

ГЛАВА 32. ЕГО ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

— В детстве? — Хань Дун мельком взглянул на Су Мо через зеркало заднего вида и равнодушно бросил: — Кто знает.

— Дун-цзы не видел Сяо Мо раньше, — вставил Су Цзинь. — Я-то с ним познакомился незадолго до того, как он укатил на юг.

Су Мо вспомнил тот день, когда мальчишка сказал, что уезжает. Вскоре и брат подтвердил: Хань Дун уехал. Значит, это действительно был ты. Вот только ты совсем ничего не помнишь.

Хань Дун снял большой караоке-зал. Внутри царил полумрак, расцвеченный всполохами неоновых огней, а в воздухе витал пьянящий дух бесшабашности. Су Мо, никогда не бывавший в подобных местах, замер на пороге, чувствуя себя совершенно лишним в этой атмосфере хаоса.

— А здесь уютно! — Чжу Минь, для которой этот поход тоже был в новинку, потянула Су Мо за собой на диван.

— Что и говорить, Дун-цзы умеет жить красиво, — заметил Су Цзинь.

В этот момент вошёл сам Хань Дун в сопровождении двух официантов: один нес две упаковки пива, другой — фруктовую нарезку и газировку. Су Мо проводил его взглядом. Неужели он собирается снова пить?

— Опять столько алкоголя? — спросил Су Цзинь.

— Живём, пока живётся, а там — будь что будет, — Хань Дун бесцеремонно плюхнулся рядом с Су Мо.

Окинув беглым взглядом Чжу Минь, он перевёл взор на юношу.

— Что хочешь послушать?

Будь на месте Хань Дуна кто-то другой, Су Мо давно бы поморщился от запаха спиртного, но аромат, исходивший от соседа, казался ему приятным, почти дурманящим.

— Я первый! Чур, я начну! — Лян Цинь вскочил и рванул к терминалу. — «Моряка» хочу! Третий брат, как тут всё включается?

Хань Дун зажал в зубах сигарету и, щелкнув зажигалкой, подошёл помочь.

— Цзинь-цзы, иди выбери что-нибудь. И ты, Чжу... как тебя там...

— Чжу Минь, — подсказала девушка.

— Выбирай песню, — Хань Дун снова посмотрел на Су Мо. — А ты, маленькая красавица, что закажешь?

Чжу Минь изумлённо уставилась на друга и прошептала:

— Он назвал тебя «красавицей»?

Су Мо лишь кротко улыбнулся и подошёл к Хань Дуну. Тот по-хозяйски обнял его за плечи, притягивая к экрану:

— Ну, выбирай.

Су Мо указал на популярную в те годы композицию — кавер Дика Ковбоя «Сколько любви можно вернуть». Хань Дун довольно усмехнулся:

— Отличный выбор. Мне она тоже нравится.

Су Мо поднял на него глаза и открыто улыбнулся. Хань Дун ответил ему таким мягким, тёплым взглядом, что у Чжу Минь едва не искры из глаз посыпались. Неужели этот прожигатель жизни умеет так смотреть? Она покосилась на руку Хань Дуна: тот приобнимал Су Мо так бережно, словно драгоценное сокровище. Рядом с ним юноша казался совсем хрупким. А Су Мо смотрел на него с таким обожанием...

«Неужели всё так, как он говорил? — подумала Чжу Минь. — Неужели Хань Дун и правда к нему равнодушен?»

— «Часто виню себя за то, что не должен был делать, часто жалею, что не удержал тебя рядом... Почему, если мы любили, в конце всё равно пришлось расстаться...»

Стоило Хань Дуну запеть, как Су Мо замер. Его глубокий, бархатистый голос был полон такой искренней печали, что сердце невольно сжалось. В приглушённом, зыбком свете Хань Дун казался воплощением мужского обаяния: безупречный пробор, белая рубашка, джинсы с высокой талией. В каждом его движении сквозила небрежная грация и дух абсолютной свободы.

Су Мо смотрел на него, и любовь в его душе мешалась с горькой тоской. Вдруг всё случится так же, как в этой песне? С той лишь разницей, что у него — тайная, безответная страсть к человеку, до которого ему никогда не дотянуться.

— Сяо Мо, тебе ведь больно на него смотреть? — Чжу Минь, поддавшись настроению песни, сочувственно коснулась его руки.

Су Мо лишь горько усмехнулся в ответ.

— «Сколько любви можно вернуть...» — Хань Дун обернулся к Су Мо и, поймав его взгляд, весело поманил его пальцем.

Су Мо испугался, что не сладит с чувствами, если подойдёт ближе, и нарочно отвернулся. Но Хань Дун сам шагнул к нему. Он осторожно приподнял лицо юноши за подбородок, заставляя смотреть на себя. И Су Мо окончательно утонул в этом голосе и в глубине его взгляда.

— Мне одному кажется, что здесь происходит что-то странное? — Лян Цинь толкнул Су Цзиня в бок. — Ты не находишь?

— Да брось, — Су Цзинь приложился к бутылке. — Оба парни, что тут странного.

— И то верно, — согласился Лян Цинь.

Когда песня стихла, Хань Дун опустился на диван рядом с Су Мо.

— Ну как? Понравилось?

Су Мо кивнул. На экране заиграла мелодия Терезы Тенг, и к микрофону вышла Чжу Минь. Несмотря на её комплекцию, голос у неё оказался удивительно нежным и мелодичным.

— Так, Третий брат, Цзинь-цзы, давайте по одной! — Лян Цинь, уже заметно захмелевший, протянул им пиво.

Они чокнулись бутылками и осушили их залпом. То ли из-за атмосферы, то ли из-за душевного смятения, но Су Мо не мог заставить себя отвести взгляд от Хань Дуна. Он смотрел, как мерно двигается его кадык, когда тот пьёт...

— Теперь я! Моя очередь петь «Моряка»! — Лян Цинь, пошатываясь, пробрался к микрофону. Было ясно, что он перебрал. — «Горький песок обжигает лицо...»

Хань Дун, глядя на его нетвёрдую походку, хмыкнул:

— Всё, поплыл парень.

— У меня тоже голова кружится, — признался Су Цзинь.

Пока они пересмеивались, Лян Цинь, дойдя до припева, вдруг расплакался. Голос его дрожал, но он продолжал двигаться в такт музыке:

— «Он сказал: разве эта боль в бурю что-то значит? Утри слёзы и не бойся, пока жива мечта...»

Су Цзинь, глядя на его тщетные попытки сдержать рыдания, шмыгнул носом:

— Его бабушка всегда говорила: жизнь горькая, да на душе сладко. Как в песне — утри слёзы и не спрашивай почему. Беднякам ничего не остаётся, кроме как пахать. Кто ещё бабушку на старости лет кормить будет?

К концу песни голос Лян Циня сорвался окончательно. Хань Дун и Су Цзинь подошли к нему, обняли за плечи и допели последние строки вместе. Лян Цинь сквозь слёзы криво усмехнулся.

— «Он сказал: разве эта боль в бурю что-то значит? Утри слёзы и не спрашивай почему...»

У Су Мо защипало в носу, да и Чжу Минь едва сдерживала чувства. Трое парней, обнявшись, вложили в эту песню всю свою душу. Разное происхождение, разные судьбы, но общая цель — выстоять и найти своё место в жизни. И никто из них тогда не догадывался, что через несколько лет судьба разбросает их по свету, а единственной нитью, связывающей их, останется экран мобильного телефона.

В ту ночь все трое набрались до бесчувствия. Лишь благодаря недюжинной силе Чжу Минь им с Су Мо удалось дотащить парней до такси и довезти до дома Хань Дуна. Там пришлось ещё приплатить водителю, чтобы тот помог поднять их в квартиру.

Оказавшись дома, Су Цзинь и Лян Цинь по очереди оккупировали туалет, а Хань Дун вёл себя тише всех — просто рухнул на кровать и мгновенно провалился в глубокий сон.

— Ох, мамочки, помираю, — Чжу Минь, затащив Су Циня в спальню, без сил повалилась на диван.

Су Мо в это время приводил в порядок уборную, зажав нос и стараясь не смотреть на последствия их «веселья». Вот же... пьянчуги!

— Сяо Мо, ты там как? — Чжу Минь заглянула в туалет, и Су Мо, бросив тазик, выскочил на балкон подышать, едва сдерживая рвотный позыв.

Когда он вернулся, Чжу Минь уже всё вычистила и даже заботливо налила ему воды.

— Какой ты всё-таки неженка, — рассмеялась она.

Су Мо всё больше нравилась её открытая, бесхитростная улыбка.

«Устала за вечер, — написал он. — Иди ложись».

— И где мне лечь? Не с Хань Дуном же под одним одеялом. Даже если ты не приревнуешь, он проснётся и первым делом выкинет меня с кровати, — Чжу Минь посерьёзна. — Слушай, Сяо Мо, а вдруг... ну, вдруг он чувствует то же самое? Может, попробуешь признаться?

«Я не могу так рисковать. Если проиграю — потеряю всё. Пусть будет как есть. Ты же видела, какой он... ослепительный. Я ему не пара».

— Ладно, не будем об этом. Иди спи в комнату, а я на диване перекантуюсь. Благо, он тут огромный, даже я помещусь.

Она улыбалась, но Су Мо чувствовал, что за этой весёлостью скрывается глубокая неуверенность в себе — точь-в-точь как у него самого.

«Я принесу тебе плед».

Укрыв подругу, Су Мо вошёл в спальню и прилёг рядом с Хань Дуном. Ему было ужасно неловко. Когда они вернулись, Чжу Минь нарочно уложила Лян Циня и Су Цзиня в одной комнате, многозначительно подмигнув Су Мо.

Ночь перевалила за середину. Комната была залита призрачным лунным светом. Су Мо всё ещё не мог отойти от событий вечера. Он осторожно повернулся на бок. Хань Дун спал совсем рядом, его дыхание было ровным и тяжёлым.

Су Мо не удержался и кончиками пальцев коснулся его мускулистой руки. Тело Хань Дуна было совершенным. Пальцы скользнули по груди и спустились ниже, едва задев дорожку волос под пупком.

Стыд мгновенно обжёг лицо. Щёки запылали так, будто он бредил в лихорадке.

Хань Дун вдруг зашевелился. Су Мо в ужасе отдёргнул руку и замер, уставившись в потолок.

«Су Мо, ну что ты за дурак! О чём ты только думаешь? Спи давай!»

Он заставил себя закрыть глаза, но в этот момент Хань Дун во сне закинул на него ногу и прижался всем телом. Су Мо осторожно приоткрыл глаза: лицо Хань Дуна было совсем близко.

А в следующую секунду его губы коснулись уголка рта Су Мо.

Сердце пропустило удар, а затем зашёлся бешеный ритм: тук-тук, тук-тук-тук...

Су Мо оцепенел. Хань Дун определённо спал, но в этом полубезытье он поцеловал его. Пусть даже в уголок губ.

Если бы он сейчас чуть-чуть повернул голову, то смог бы коснуться его губ по-настоящему. Эта мысль вспыхнула и тут же толкнула его к действию. Зажмурившись, Су Мо едва заметно качнул головой навстречу.

Мягкое касание отозвалось в теле разрядом тока. Голова пошла кругом, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он приоткрыл глаза и вскрикнул от неожиданности — ему показалось, что Хань Дун смотрит на него. От испуга он со всей силы толкнул того ногой.

Глухой удар — и Хань Дун, запутавшись в одеяле, полетел на пол, издав невнятное мычание.

Су Мо похолодел. Восторг мгновенно сменился ледяным ужасом.

Прошла минута, но Хань Дун не шевелился. Су Мо робко заглянул за край кровати и услышал... мерный храп. Тот даже не проснулся.

Су Мо перевёл дух. Неужели правда не заметил? Видимо, был настолько пьян, что даже падение на пол не привело его в чувство.

Кое-как затащив Хань Дуна обратно на кровать и обливаясь потом от усилий, Су Мо понял, что уснуть здесь не сможет. Немного подумав, он вышел в гостиную к Чжу Минь.

— А? Ты чего не спишь? — та слушала музыку в наушниках.

«Давай перетащим Лян Циня в комнату к Хань Дуну?»

Чжу Минь нахмурилась:

— Зачем? Тебе там разве плохо?

«Просто помоги, не спрашивай».

Увидев, как заливается краской его лицо, Чжу Минь не смогла сдержать смешка:

— Ладно-ладно, как скажешь. Пошли таскать.

Перетаскивать пьяного было тяжелее, чем ворочать камни. Лян Цинь то и дело что-то бормотал под нос:

— Отвали... сейчас как дам... глянь, я лечу-у...

«Чжу Минь, завтра скажешь, что я всю ночь спал с братом».

— Сяо Мо, колись, ты там что-то натворил? — она ткнула в него пальцем.

«Глупости какие!» — Су Мо вскинул подбородок и с преувеличенно гордым видом прошествовал в другую спальню.

Уже лежа в постели, он всё возвращался мыслями к тому поцелую. Пусть мимолётный, почти неощутимый, но он был прекрасен.

У Хань Дуна такие мягкие губы... А ведь это был его первый поцелуй.

Су Мо глупо улыбался в темноте, и все его мысли были заняты лишь одним человеком.

— Твою ж мать... — донеслось вдруг с соседней подушки.

Сонное ругательство Су Цзиня мгновенно разрушило всю романтику. Су Мо нахмурился и со злостью пихнул брата ногой подальше, увеличивая дистанцию.

«И ведь не проснулся, свинья такая».

<http://bllate.org/book/17506/1660031>